

Лучшие романы
об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Козырные
валеты

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов

Козырные валеты

«ЭКСМО»

1998

Леонов Н. И.

Козырные валеты / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1998 — (Гуров)

В розыске бывает так: ищешь одно, а находишь другое, что и случилось со знаменитым сыщиком Гуровым – искал убийц, а обнаружил наркомафию, да не где–нибудь, а в МВД. Бывает и так, что следствие намеренно уводят по ложному пути, выставляя, например, не криминальные, а политические мотивы преступления – в борьбе за власть все средства хороши. Но умница Гуров и тут сумел разобраться. Впрочем, хотя он и достал киллеров чуть ли не из–под земли, а вот до советника президента ему все же не дотянуться!

© Леонов Н. И., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Леонов

Козырные валеты

Пролог

Полковников милиции Сотина и Веткина застрелили шестого августа около двадцати одного часа. Тела лежали на асфальте рядом с личной машиной полковника Сотина.

Стоявший в стороне старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Лев Иванович Гуров наблюдал за осмотром места преступления. Лицо его было холодно, оно, казалось, застыло в болезненной гримасе. Сыщику перевалило за сорок, высокий, статный, элегантный, он порой стеснялся своей киношной внешности. Виски ему уже серебрило, но голубые глаза не тускнели.

Он неохотно принимал участие в осмотрах места преступления и трупов. Гуров не сомневался: аппендикс лучше именитого профессора удалит дежурный хирург обычной больницы. Осмотр лучше «важняков» проведут оперы, работающие «на земле». Сейчас, глядя, как работает группа, а любопытные из-за ограждения вытягивают шеи, пытаясь увидеть что-либо интресенькое, сыщик, как обычно, удивлялся поведению людей. Он проработал в розыске почти четверть века, видел множество трупов, однако и сегодня не способен спокойно смотреть на мертвого человека. Жил-был человек, и враз его не стало. Это же трагедия, чего здесь любопытничать, разглядывать – перекрестись и иди домой. Нет, стоят, и не один час.

Застрелили полковников на улице Адмирала Макарова, что тянется от Войковского моста параллельно Ленинградскому шоссе, где упирается в метро «Водный стадион». Улица неширокая, сравнительно чистая и малолюдная, крупных магазинов здесь не имеется. Дом, в котором жил полковник Сотин, добротной кирпичной постройки, планировалось отдать большим начальникам, но стоявший в вековых очередях многосемейный люд озверел, неожиданно вспыхнул скандал, и власть отступила. Хотя тесть полковника, шишка важная, советник президента, не отступил, и вот спустя почти семь лет... Гуров растер окурки об асфальт и прикурил новую сигарету, хотя во рту было горько, а на душе еще горше. Он погибших не знал, так, раскланивался при встрече, не более. Но все было мерзопакостно, и люди, больше часа толпившиеся у тел убитых, ведь осмотр места преступления – дело ответственнейшее, тихо разъезжались.

Сыщик ненавидел первые часы, порой и сутки, после громкого преступления. Толкотня из генералов и лиц высокопоставленных, у каждого мнение, даже версия, хотя еще и неба не видно. Позже, когда пороховая гарь осядет и станет ясно, что ловить в данном деле нечего, высокие генералы и чиновники тихо исчезнут в кабинетах, загородятся секретарями, совещаниями, заграничными поездками. Трупы и менты останутся один на один. Только тогда и начнется работа. И ни минутой раньше.

– Здравствуйте, Лев Иванович, – сказал подошедший к сыщику и.о. городского прокурора Федин. – О чем думаете? Простите, дурацкий вопрос. – Прокурор несколько смутился, делать ему при осмотре места было нечего, назначили его недавно, друзей у него среди ментовской братии не имелось.

Следователь прокуратуры Гойда, поставив перед собой большой ящик, сел на меньший, писал протокол осмотра. Гуров знал Гойду давно и много раз удивлялся, как тому всегда удается устроиться в, казалось бы, невероятных условиях.

– Думаю, Федор Федорович, как в жизни ни крутись, а всегда одно выходит – чем у человека поклажа тяжелей, тем больше ему на горб подкладывают. Уверен, у Игоря, – так звали следователя, – дел в производстве поболее других, но и это его не минует.

Федина назначили недавно, человек он был хотя и молодой, но опытный, блестяще образованный, после университета учился в Кембридже, по служебной лестнице поднимался на удивление быстро, говорил на нескольких европейских языках, отличался прекрасным чувством юмора и юношеской обидчивостью.

– Вы на что-то намекаете? – вспыхнул прокурор.

– Я не намекаю, – флегматично ответил Гуров, – я говорю достаточно прямо. К сожалению, для Москвы это заурядное заказное убийство. А осмотр места проводит один из асов прокуратуры. И.о. прокурора здесь уж совсем делать нечего. Все дело в родственнике одного из погибших. Смотрите, даже контрразведка удосужилась явиться, – Гуров кивнул на своего давнего приятеля – заместителя начальника управления ФСБ генерала Кулагина. – Извините. – Сыщик поклонился и отошел к своему заму, полковнику Станиславу Крячко.

– Станислав, когда тела начнут класть на носилки, окажись рядом, – сказал Гуров, – не нравится мне, как у мертвого Веткина неестественно подвернута рука. Стреляли из-за гаража, метров с десяти, руки должны быть раскинуты. Ты помоги санитарам, возможно, в ладони что-то зажато. Не удастся выяснить, лезь в машину, езжай в морг.

– Это дело врача – разжать, осмотреть ладони, – неохотно ответил Станислав. – Но коли начальство велит... – И начал протискиваться к телам убитых.

– Однако не только нас беспредельщики мочат... – начал было рассуждать поддатый молодой парень, но фразы не закончил, так как проходивший мимо Станислав резко ударил говоруна локтем по печени. Сыщик был в штатском, местная шпана мгновенно организовалась кругом. Обманчива мягкость невысокого Станислава, он резко повернулся, мгновенно нашел главаря, схватил его двумя пальцами за нос, коротко спросил:

– В больницу или за решетку?

Милицейских рядом стояло предостаточно, один из них узнал Станислава, ткнул стволом парня в бок.

– Господин полковник, можем доставить, здесь рядом.

Станислав вытер ладонь о рубашку скрючившегося парня, обронил:

– Пусть живет, – и бросился к носилкам, на которые укладывали тело Веткина.

Сыщик подскочил к санитарам в последний момент, они уже вкатывали носилки в «Скорую», прыгнул следом, схватил все еще сжатую руку трупа, сел рядом.

– Родственникам нельзя! – крикнул дюжий санитар.

Станислав, по природе балагур и весельчак, с простецким лицом провинциала, умел мгновенно превращаться в мужика неприятного, с жестяным голосом:

– Ты, паря, родственников с начальниками не путай. А то принял стакан, сам черт тебе не брат! Двигай!

Машины «Скорой» отъехали, прокурор подошел к начальнику Главка уголовного розыска генерал-лейтенанту Орлову, вежливо спросил:

– Петр Николаевич, где собираемся?

– Прокуратура главнее, – недовольно буркнул Орлов. – Информация начнет поступать ко мне.

– Значит, поехали к вам.

Машины уехали, люди не торопясь разошлись. На асфальте остались две нарисованные фигуры недавно живых людей. Девчушка лет пяти прыгала на их силуэтах, играя в «классики».

Глава 1

Орлов открыл дверь своего кабинета, жестом предложил проходить, сказал:

– Рассаживайтесь, коллеги, думайте о том, кто чем будет заниматься. В конце господин прокурор выскажет нам свои соображения, они же указания.

– Я так быстро не готов, – ответил Федин.

– А вас в этом кабинете никто подлавливать не собирается. Сегодня скажете одно, завтра дополните. Лев Иванович, составьте план оперативных мероприятий. Завтра будет день, мы план обсудим, плеснем в него водички, доложим в верха.

Моложавый, подтянутый генерал контрразведки Кулагин сказал:

– Я прикажу проинструктировать людей, попытаемся выяснить, не проглядывает ли связь убитых с кем-либо по нашей линии. Доложу через неделю.

– Моя группа слишком малочисленна, займемся жилым сектором. Сколько человек даст МУР? – спросил Гуров.

– Данный вопрос запиши на меня, – ответил Орлов.

– Возможно, была использована машина, – сказал Гуров. – Найти, где она стояла и ждала.

– Мартышкин труд. Машина стояла, ждала, только никуда она нас не приведет, – сказал начальник первого отдела МУРа Осокин. – Мы рассуждаем, словно двадцать лет назад. Лев Иванович, те преступники либо спились, либо в зонах сгинули, мы имеем дело с новой формацией. Ты понял, как они стояли? Время нападения?

– Выдохни, мальчик! – прервал полковника Орлов. – Мы тут без тебя знаем, сколько пустой породы накопать придется.

– Да, Лева сыщик от бога! – Осокин ударил себя в грудь. – Я против? Вообще молчать? Могу! – Полковник сел с обиженным видом.

– Ты на Леву бочку не кати, ему хватает. – Орлов оглядел сидевших, вздохнул: – Ну, чего вы, други старые, собрались? Трупов не видели? Давайте, не обижаясь, есть что конкретное, выкладывайте. Предположений тут уйма, болтать можно до утра. Дело на контроле у генерал-полковника, долбать станут по моей голове. Я, старый изувер, начну Гурова подставлять. У него сызмальства дурная привычка правду начальству в глаза лепить, так что на нем далеко не уедешь, а опер он и есть опер, об него только палки ломать. Заместителю министра оперу даже выговор объявлять неловко, не царское это дело.

Гуров поднялся, щелкнул каблуками, сухо произнес:

– Благодарствую, господин генерал-лейтенант!

Задвигали стульями, кто-то хмыкнул, другой рассмеялся. Присутствующие знали, Орлов и Гуров служат вместе почти четвертак, дружат семьями, порой и выпивают, обращаются друг к другу по имени и на «ты».

– Садитесь, полковник, – Орлов вытер свою простоватую физиономию короткопалой ладонью. – Терпите. Вас за то и держат, небось в гениях ходить вольготно? У меня сейчас времени нет, а то бы рассказал людям, как вы в последний раз с первым замом разговаривали. Ну все, потрепались и хватит. Всем службам оказывать полковнику Гурову максимальную помощь. Господин прокурор, держите его в строгости, иначе пожалеете. МУР, мы с Гуровым выросли в вашем курятнике, помогите людьми, знаю, лишних нет, но плохих не давать, лучше откажите. Все необходимые экспертизы провести завтра к двенадцати. Меня прошу без надобности не беспокоить. Все! – Орлов поднялся из-за стола, с каждым попрощался за руку, и.о. прокурора взял под руку, отвел к окну: – Федор Федорович, вы воспитание получили в Штатах? Иностранными языками владеете? Нищие и иных умных людей читали? Лева, случается, бывает несколько прямолинеен. Терпите его, сколько сил хватит. Это дело с двойным

дном, а то и с тройным. Если мы имеем сыщика, способного добраться до убийцы, то это Лева. Ни я, ни вы, извините, именно и только Гуров. И он не сахар.

Гуров, Станислав, оперативники в отставке Григорий Котов и Валентин Нестеренко перешли в кабинет к Гурову. Хороших оперов хронически не хватало, и в случаях ЧП полковник использовал старых знакомых по МУРу, которые сегодня трудились в одном частном сыском агентстве. Высокий и костлявый Нестеренко был типичный русак, предпочитал поношенную одежду, сутулился, обычно помалкивал, сыское дело знал и любил. Последнее он скрывал от приятелей, так как чертову работу было принято клясть последними словами. Отставной полковник любил и своего постоянного напарника Гришу Котова, еврея по матери, клял израильское племя при всяком удобном случае, даже стал почитать Библию, чтобы научно обосновать, мол, все беды на земле происходят именно от них. Не так давно Котова ранили, и Нестеренко волок его, закрывая собой, утверждая, что господь наказал за дружбу истинного христианина с иудеем.

Гуров и Станислав служили вместе, начиная с МУРа, кто кому и сколько должен, давно не считали. Крячко был из рабочей семьи, в юности чуть было не сел за грабеж, но неожиданно увлекся спортом, играл в футбол за «Динамо», отслужил армию и, не имея специальности, пошел служить в милицию. Неожиданно у него проявился сыщицкий талант. Очень коммуникабельный, умный, любящий изображать человека недалекого, он и училище, и высшую школу милиции окончил среднячком, был направлен опером в райотдел, но вскоре его перевели в МУР. В «конторе» ему сильно «повезло»: назначили Станислава в отдел Орлова, а старшим группы стал у Крячко именно Гуров. Станислав был уже солидным оперативником, и Орлов его брал на должность старшего группы, но в момент перевода вакансий в отделе не было, сказали, послужи у Гурова, а как только, так сразу... Но Гурову Станислав не понравился, чувствовалось, парень рвется вверх, и старший ему шлагбаум перекрыл. Старший опер в МУРе – фигура невеликая, но Гуров был в «авторитете». С ним пытались говорить и Орлов, который сам поначалу Гурова не обожал – больно самостоятелен, и ныне покойный генерал Турилин. Тот еще сопливого лейтенанта перевел из провинции в Москву, считал себя для мальчишки незыблемым авторитетом, но рядовой опер неожиданно показал генералу зубы:

– Константин Константинович, вопрос о должности Крячко кадры должны согласовывать с начальником отдела. Если вас интересует моя личная точка зрения, то из Станислава может вырасти классный опер. Если бы не было вас и подполковника Орлова, то не существовало бы и Гурова. Станиславу следует полгода подождать.

– А сегодня капитан Гуров отличный опер? – спросил раздраженно генерал.

– Качественный, иначе бы вы, Константин Константинович, сейчас со мной и не разговаривали.

– Нахал! Уйди с глаз.

Но происходило это больше двадцати лет назад. Сегодня Гуров и Крячко – полковники главка, «важняки», лучшие друзья, и вспоминают прошлые годы с умилением, как вспоминают одноклассники совместные прогулы и другие школьные каверзы.

Гуров – блестящий ведущий, Станислав – безукоризненный второй номер, способный неожиданно взять инициативу на себя. Он понимал уникальные способности друга, не ревновал к его славе, но знал и недостатки Гурова, по мере сил старался его уберечь. Кроме того, Станислав порой разыгрывая из себя простачка, в быту был мудрее друга, и что самое главное – если Станислав переставал шутить и говорил серьезно, начальник морщился, но подчиненного слушался: «Здесь твоя грядка, тебе виднее».

После, в общем-то, безрезультатного совещания у Орлова четверо оперативников собрались в кабинете Гурова и Крячко, где имелся еще третий ничейный стол, который стоял у стены слева от входа, и его занимали поочередно Нестеренко и Котов.

– Ну вот и все, – Гуров вышел из-за стола, привычно закурил. – Все ясно, мы ядро группы. Людей нам дадут, сколько требуется, рассчитывать мы должны только на себя. Мотивы?

– Извини, лучше начать с характеристик киллеров, – сказал Станислав.

– Говори, – Гуров кивнул.

– Очень высокий класс. Предел. – Станислав взял лист бумаги, начал чертить. – Как стояли? Не стационарная засада, движущиеся стрелки, огонь вели на ходу, из пистолетов «ТТ», знаете, как это просто. Сделали по два выстрела, только в голову, все попали в цель.

– Там расстояние семь-девять метров, – возразил Нестеренко.

– В августе вечером на данной улице практически темно, – парировал Крячко. – Не имелось другого решения? В сорока метрах от места нападения расположено здание РУВД. Правда, оно административное, оперативной службы не имеет. Однако могла подъехать машина. Друзья, я живу в соседнем доме, еще двадцать метров – и Ленинградское шоссе. Улица Адмирала Макарова малолюдная, полковник Сотин живет на Выборгской. Я знаю там каждый мусорный ящик, даже тот, за которым, видимо, находился один из убийц. Я тоже мог подъехать с минуты на минуту. Вывод: действовали высококласные стрелки, ликвидация была крайне необходима, исполнители находились в цейтноте.

– Спасибо, Станислав. Слов произнесено много.

– Скажи короче, – Станислав поклонился.

– Мог бы – сказал бы обязательно. Машина была? – Гуров взглянул на кончик карандаша.

– Сейчас пешком только домашние хозяйки ходят, – ответил Нестеренко.

– Как начнет светать, погуляй там, найди, где она стояла. Мое мнение, что машины не было, – сказал Гуров. – Итак, вопрос – мотив? Григорий, не молчи, порадуй коллег хотя бы чем-нибудь. Например, почему Сотин остановил машину не у своего подъезда?

– Они расположены с другой стороны дома, – ответил Григорий.

– Тогда дом следовало объехать. Друзья не собирались заходить в квартиру, однако на улицу из машины вышли. Вы думаете, ворочаете мозгами? – Голос Гурова стал неприятным. – Или ждете указаний, куда идти и что делать? Сотин привез приятеля к своему дому, но в квартиру не пригласил. Допустим, полковникам требовалось переговорить по дороге, но тогда Сотин высадил бы полковника у метро. А он остановился с обратной стороны дома, чтобы жена не видела, что он приехал.

– Со стороны подъездов много машин, офицеры не хотели, чтобы их видели, – сказал Станислав.

– Разродился. – Гуров встал, вновь заходил по кабинету. – Дело не столько в том, что убили наших коллег. Верно сказано, киллеры были настоящие, а не отморозки и дебилы. Они гуляли у дома, ждали, оружие – пистолеты, и стреляли только в голову. Так уверенно могли подойти асы. Какие киллеры, таков и мотив. Только на устранение очень серьезной поломки зовут серьезных мастеров. – Сыщик смотрел жестко, не сводил взгляда со Станислава.

Крячко прикинулся сиротой казанской, часто моргал белесыми ресницами.

– Когда будет ответ? – спросил Гуров.

– Завтра к десяти, – ответил Станислав.

– Почему, черт возьми, ты не сказал мне об этом сразу? Я бы надавил через Шубина, эксперты бы ночь работали! – возмутился Гуров.

– Я сунулся к Петру, он у первого, а мне туда не по чину...

– Ты подчиняешься мне. Доложи коротко, что известно.

– На левой ладони Веткина обнаружены следы неизвестного порошка. Соскобы взяты на анализ.

– Чего молчал?

– Не хотел трепаться раньше времени.

– Сотин – электронщик, Веткин – кадровик. Не будем торопиться, но, судя по всему, их служебное положение для столь торопливого, неподготовленного убийства высококлассными киллерами не подходит.

– Семья, нечто личное, – пробормотал Котов.

– Гриша, думай быстрее, выражай свои мысли четче, – сегодня Гуров говорил раздраженно, что в принципе ему было не свойственно. – Завтра встречаемся в восемь, – сыщик глянул на часы. – Я воюю с руководством и контрразведкой. Станислав, едешь на Петровку и не уходишь без заключения, что конкретно находилось на левой ладони Веткина. Нестеренко, отправляешься по месту преступления, собираешь оперов и участковых и составляешь почасовой график места нахождения нашей клиентуры. Кто, где, с кем, куда, зачем? Эти люди нас не интересуют, но у них глаз наметанный, они должны были видеть убийц. Местной «знати» бояться нечего, не групповая разборка, они ничем не рискуют. Кого кнутом, кого пряником, но к вечеру мы должны иметь хорошие приметы, лучше клички, еще лучше имена.

– И пистолеты, из которых совершены убийства, – добавил безразлично Станислав.

– За оружием я пошлю тебя, – сказал Гуров и махнул рукой на вскочившего Станислава. – Самое серьезное и ответственное задание у Котова. Гриша, ты должен сделать невозможное. Мы к свадьбе тебе черный костюм купили?

– Ужасно дорогой, – заметил Станислав.

– Сегодня достань, проверь, чтобы нафталином не вонял, – сказал Нестеренко, – черные туфли надрай, гуталина не жалея, я тебя знаю.

– Белая рубашка. Черные носки, небось так со свадьбы и не надевал, – продолжал Гуров. – Станислав, утром отведи парня в парикмахерскую, проследи, чтобы постригли по-людски. Одеколон возьми свой, иначе какой-нибудь дрянью обрызгают. И поутру отвези опера на квартиру к Сотину. Там могут толкаться большие генералы, из администрации президента заглянут. Ты, Станислав, Григория в обиду не давай, представь хозяйке на ушко, мол, человек министра. Цветы не забудьте, но не шикарные, средний букетик.

– И что же я там буду делать? – растерянно спросил Котов.

– А это ты сам решишь. С завтрашнего утра и пока поминки не разойдутся, ты в квартире находишься. Если за чем следует съездить, съезди. Ты должен дом почувствовать и понять. Усек?

– Лев Иванович, почему я? Валентин – видный гвардеец, Станислав бы там лучше меня все разведаль в тысячу раз. И половину женщин бы соблазнил.

– Почему половину? – обиделся Станислав.

– Умолкни, – Гуров вновь взглянул на Котова. – Тесть покойника – высокий чин, окружение будет соответствующее. Контрразведка тебя знает, знает, ты из группы Гурова, но не фигура. Валентин слишком представительен, про этого, – сыщик махнул на Станислава рукой, – говорить нечего. Он на поминках после третьей гитару возьмет, и с поминками закончат. Да и каждый мент знает, что он мой друг, следовательно, я к данному вечеру интерес имею.

Именно в такие, казалось бы, несложные моменты Станислав отчетливо понимал, сыщик он неплохой, но с Гуровым мериться слабоват.

– Гриша, ты умница, – продолжал Гуров. – В семье имеется незамужняя дочь, постарайся рядом оказаться. Это трудно, девушка будет сидеть с сестрой-вдовой. Танцев, естественно, не будет, ты уж извернись как-нибудь. Предлагаю легенду: у тебя личное горе, очень не хотел идти, начальство приказало. Не бином Ньютона, но порой на женщин действует.

Сейчас спать! Завтра дай нам бог удачи. У меня такое чувство: либо мы завтра чуть зацепимся, либо... Шагать нам за горизонт.

В это же время в кабинете первого заместителя министра внутренних дел генерал-полковника Шубина пили чай хозяин, и.о. прокурора и Орлов.

Люди они были совершенно разные, как внешне, так и внутренне. Объединяло их лишь одно качество, о котором чуть позже.

Петр Николаевич Орлов, генерал-лейтенант, скоро должен отметить шестидесятилетие, был среди присутствующих старшим, а по должности младшим, потому с него и начали.

Генерал-лейтенант, начальник ведущего главка в министерстве, окончил высшую школу милиции, потому как, будучи начальником МУРа, положено было данную школу окончить. В милиции служил сорок лет, так как ничего другого делать в жизни не умел, разве что столярничать. Единожды женился и прожил с дражайшей Евдокией Петровной тридцать шесть лет. Она, случалось, на мужика и руку подымала, правда, ни разу не опустила. Читал он в свободное время, которого совершенно не имел, русскую классику и специальную юридическую литературу, которую порой получал от коллег из богатых стран, где Орлова знали. Как говаривала супруга, нажил Петр за сорок лет службы коробку орденов и медалей, пистолет, наручники и более ничего. Такие мелочи, как сотрясения мозга, переломы и ранения, жена не считала.

Орлов имел высшее советское образование и природные ум и хитрость, был от природы добр, чего стеснялся и всячески данное качество от окружающих скрывал. Исключение составляли два ближайших друга – Гуров и Станислав. Считая их молодыми, генерал решил, что с «мальчиками» можно порой откровенничать. Любой человек, только взглянув на Орлова, понимал, что перед ним представитель мирового пролетариата, за родословную ему и надели генеральские погоны, а сам герой вырос у станка или в коровнике, со временем отмылся, постригся, научился носить городскую одежду и правильно ставить в словах ударения. Средний рост, короткие мощные руки и ноги, огромная голова с шишковатым лбом, упругий животик никак не делали Орлова красивым, и малопонятно, что при его внешности делало генерала среди окружающих значимым. Молчаливость? Доброжелательный взгляд? Нет, пожалуй, голливудская улыбка. Когда он улыбался или смеялся, хотя как для этого найти повод при его работе – совершенно неизвестно, тридцать два сверкающих зуба завораживали собеседника.

Генерал-лейтенант Орлов не имел ни высокопоставленных родственников, ни приятелей, ни даже соседей, за сорок лет прошагал от рядового до должности начальника главка. Надо подозревать, знал свое дело.

Хозяин кабинета, непосредственный начальник Орлова, первый заместитель министра Василий Семенович Шубин, походил на своего подчиненного с точностью до наоборот. Оперативной работой не занимался, осваивал партийную мудрость, учился в соответствующих заведениях, высокий, статный, улыбчивый, четко знает, что хочет начальство, знает, как добиться желаемого. Милиция, как известно, организация кастовая, чужаков принимает с большим нежеланием. Когда в шестидесятые годы Хрущев дал команду усилить милицию партаппаратчиками различных уровней, команду, естественно, выполнили, аппаратчики в милицию пришли, но вскоре выяснилось, что делать выдвиженцам в органах нечего. Должность имеется, кабинет на месте, телефоны включены, а связи нет. Распоряжения новых начальников не саботируются, все вроде бы выполняется, лишь результаты нулевые.

Многие профессиональные сотрудники в те годы из милиции уволились, вновь присланные не прижились, используя старые связи, уплыли на административную работу. В то время и был нанесен самый мощный удар по профессиональным кадрам милиции.

Василий Семенович Шубин пришел на службу в милицию в семидесятые годы, приняли его холодно-вежливо, как и остальных «варягов». Но в отличие от остальных Шубин не болтался, как дерьмо в проруби, а начал работать. Он сразу получил подполковника, звание, к которому рядовые менты шли десятилетиями, любить новым коллегам его было совершенно не за что. Однако у вновь испеченного подполковника было одно замечательное, редкое качество: он искренне считал, что горшки обжигают только боги, и умел учиться и работать. Когда новые товарищи увидели, что прибывший подполковник пашет со всеми наравне, а порой и поболее, водку с подчиненными пьет, но от этого меньше с них не спрашивает, с утра без запаха,

похмельем не страдает, вперед без нужды не лезет, но и за спину соседа не прячется, Шубина приняли. И уже через два года про него говорили «наш» и «опер».

У Шубина было еще одно сильное качество – он нравился женщинам, но не только не позволял себе служебных «амуров», а ловко выстроив сослуживиц и жен приятелей в один ряд, красивых и не очень, хорошеньких и дурнушек, хохотушек и замкнутых, установил со всеми ровные доброжелательные отношения, никого не выделял, ни одну не обходил вниманием.

Женский коллектив – страшная сила. Когда женщины решили, что «их Вася» мужик мировой и ему даже секреты доверить можно, Шубин начал подъем по служебной лестнице.

Он успевал буквально все, работал сутками, спал на служебном диване, хотя по должности ему подобное не полагалось. И при этом всегда пребывал в отличном настроении, был контактен, если требовалось, а то и услужлив. На стороне Шубина в нужный момент оказался и Его Величество Случай.

Тому уже минуло три года, так же, как и сейчас, начинался август. В штатском костюме Шубин шел по Сретенке, когда двери одного из кафе распахнулись, на тротуар вылетел молодой кавказец, следом соплеменник постарше, на пороге выворачивали руки плотному сорокалетнему человеку два бугая-милиционера.

– Да ты знаешь, кто я такой? – кричал мужчина, упираясь.

– Без разницы! – одышливо просипел старшина. – Сейчас врежу меж глаз... – и занес дубинку.

Шубин находился в метре, среагировал молниеносно, перехватил дубинку, дернул на себя, мент по инерции вылетел на тротуар.

От стоявшей неподалеку машины подбежали люди в штатском, Шубин получил по физиономии. Кавказцев и штатского, того, сорокалетнего, посадили в одну машину, милицкий наряд, как выяснилось, пьяный, бросили в тот же «газик», машины умчались.

Шубин, стоя на тротуаре, приложил к кровоточащей губе носовой платок, сам себе удивляясь, к чему ввязался в пьяную драку, да еще выступил против человека в форме, когда его вежливо взяли под руку, мягкий голос произнес:

– Не ушиблись? Давайте я вас домой подвезу.

Мужчина смотрел на Шубина доброжелательно, улыбался. Шубин насторожился, подумал – может, доброжелатель неизвестного окраса опасен?

– Бросьте. Я мирный гражданин, шел мимо, все видел. – Неизвестный достал из кармана удостоверение, на котором было написано «Служба охраны президента».

– Спасибо, но я не президент.

Полковник Щербаков, так было написано в удостоверении, продолжал улыбаться, но голос его стал серьезен:

– Сядем в машину, поверьте, вы не пожалеете об этом.

Обаятельная улыбка полковника Шубину нравилась, а его настойчивость настораживала. Неожиданно Шубин понял, почему вообще ввязался в драку. Плотный мужчина в штатском, которого волокли менты, походил на всесильного генерала Коржакова – начальника охраны президента.

Шубин не собирался услужить, но ему не нравилось, когда двое выкручивают руки одному. Незнакомец предъявил удостоверение охраны, все сложилось, и Шубин миролюбиво сказал:

– Господин полковник, давайте пройдемся пешком.

Полковник кивнул и спросил:

– А вы действительно генерала не узнали?

– Он не Тихонов, – ответил Шубин и протянул свое удостоверение. – Я телевизор смотрю, но на улице все выглядит иначе. И почему генерал оказался с кавказцами в каком-то заштатном кафе?

– Эти вопросы, Василий Семенович, вы больше никогда и никому не задавайте. – Полковник протянул свою визитную карточку. – Совершенно неизвестно, как он отреагирует на ситуацию. Генерал – человек непредсказуемый.

– Считаем, ничего не произошло, – сказал Шубин, – расстались и забыли.

– А я? – Полковник усмехнулся. – Нас же видят и «ведут». Через час на столе у генерала будет лежать подробнейший рапорт... Я говорил генералу, не надо встречаться с чеченцами, не следует заходить в первую забегаловку. Меня послушали? Теперь я за все и отвечу. Так скажу, Василий, – от нас с тобой ни черта не зависит. Дай-ка твою визиточку. Отправляйся домой, а я пойду кувыраться на ковре, жизнь покажет. Позвоню.

Охранник взял визитку Шубина, сел в остановившуюся рядом «Волгу» и укатил.

Через месяц полковник Шубин стал генералом и заместителем министра МВД.

Когда Коржаков со своего поста ушел, все не сомневались, что дни Шубина сочтены, но он понравился министру, вскоре получил вторую генеральскую звезду, затем стал первым замом и генерал-полковником. И что бы о нем ни говорили, мужик он был совсем неплохой. А на подобной должности быть неплохим очень даже не просто.

Третьим в кабинете присутствовал и.о. прокурора города Федин Федор Федорович. До перестройки он не имел на такую должность ни малейших шансов. Ну хотя бы потому, что мать Фебина была наполовину француженка. Сегодня другие времена и нравы, анкета перестала быть всесильной. Федин окончил Московский университет с отличием, работал в районной, позже в городской прокуратуре, затем улетел в Штаты учиться, окончил Кембридж, вернулся в Москву, где и получил должность и.о. прокурора. Способности хорошо, талант еще лучше, но не имей Федин мощной родственной поддержки, должность прокурора района была бы для него пределом.

Итак, три совершенно разных человека и по возрасту, и по образованию, и по жизненному опыту вынуждены были работать вместе. К неоспоримому достоинству собравшихся можно было отнести тот факт, что ни один из них не изображал начальника, уважал труд коллеги и практически не навязывал своего мнения. Генерал-полковник мог и должен был руководить, но прокуратура всегда стояла чуть в стороне от милиции. Основная задача у них была одна, но повседневная работа – различная. Орлов напрямую подчинялся замминистра, но последний отлично понимал: генерал-лейтенанта Орлова в милиции все знали, никто не ставил под сомнение опыт и знания старого розысника, а о генерал-полковнике Шубине не каждый милиционер и слышал, мало кто видел, а знали-то его буквально единицы.

Федин принадлежал к прогрессивному новому поколению прокуроров, которые прекрасно отдавали себе отчет в том, что хотя закон и поставил их над милицией, обязал следить за порядком, но никакой прокурор лично преступника не задержит и необходимых для суда доказательств вины безусловно виновного человека не соберет – для этого необходима милиция.

Настроение в кабинете трудно было назвать радужным, убили двух высших офицеров милиции, первичный осмотр конкретных результатов не принес, зато поставил множество вопросов. Два трупа – уже плохо, а если один из них являлся ближайшим родственником виднейшего члена правительства – совсем нехорошо. И не оттого с блюстителей закона спросят вдесятеро, что у родственников больше прольется слез, чем над сиротой. Добавьте к этому газеты, телевидение, досужие разговоры в коридорах власти.

– Петр Николаевич, вы у нас человек наиболее мудрый, вам первому и говорить, – тихо произнес Шубин.

– А сейчас нечего говорить, Василий Семенович, – спокойно ответил Орлов. – Гуров начал работать, завтра к обеду появятся первые результаты.

– Петр Николаевич, кто бы ни возглавлял розыск, спрашивать будут с вас, – Шубин не угрожал, лишь констатировал факт.

– Естественно, – Орлов вздохнул.

– Простите, Петр Николаевич, – вмешался в разговор Федин. – Тогда почему вы сами не возглавили розыск, а поручили рядовому сотруднику?

– Я знаю Гурова со дня рождения, он никогда не был рядовым, – улыбнулся Орлов. – Кроме того, у меня главк, много разной работы. И еще. Когда в больницу поступает тяжело-раненый, операцию проводит не главврач, а лучший хирург. Я не буду сейчас говорить о всех своих предположениях, их слишком много, но по такому делу лучше Левы у меня специалиста нет. У него прекрасная команда, авторитет в городе, Гурову легко получить помощь любой службы, минуя не только меня, но и Василия Семеновича. Гуров не будет никому трепать нервы, и если преступников разыскать возможно, он их разыщет.

– Кого бы вы хотели иметь следователем? – спросил Федин.

– Гойду Игоря Федоровича, – сразу ответил Орлов.

– Он с характером. У Гурова не будет со следователем неприятностей? – осторожно спросил прокурор.

– У Гурова не бывает с людьми неприятностей. Они с ним либо работают, либо нет, – усмехнулся Орлов. – Гуров и Гойда вместе пуд соли съели.

Григорий Котов, как и было приказано, надел черный костюм, белую рубашку, с утра побывал в парикмахерской, на выходе взглянул на себя в зеркало и несколько удивился. Он походил на официанта, киношного гангстера, только не на опера угро. Котов отнесся к происшедшим в нем переменам философски, мол, будем носить внешность, какая есть, ничего с этим не поделаешь.

Станислав, ожидавший друга в своем «мерсе», глянул на Гришу удивленно, от комментариев отказался, деловито посмотрел на часы:

– Ты даже красив. Нос у тебя не к месту, но что выросло, то выросло. Сейчас тебя быстренько отвезу – и на Петровку. Веди себя прилично, ты на похоронах, не тискай девиц и не напивайся.

Котов согласно кивнул и нерешительно произнес:

– Что я там делать буду?

– На поминках пьют. А чего от тебя ждет Гуров, мне неизвестно.

Они свернули с Ленинградского шоссе на Выборгскую улицу.

– Не заезжай во двор, я пройду. Спасибо. Удачи. – Гриша выпрыгнул на тротуар и зашагал ко второму подъезду.

Дождь, моросящий с раннего утра, кончился. Котов миновал длинную вереницу машин, когда его окликнули:

– Сынок! – На скамейке сидели три пожилые женщины.

Он остановился, взглянул вопросительно, не понимая, кто именно его окликнул.

– Я тебя кличу! Я! – Женщина в вязаной кофте с бронзовым от загара лицом поднялась со скамейки, засеменила к Котову. – Хоронить пришел? Так опоздал, все уже уехали и покойничка увезли. А ты цветком не махай, словно хворостиной. С покойным служил? Бог все видит. Не полагалась им пятикомнатная, по благу получили. – Она худой, жилистой и сильной рукой ухватила Котова за рукав. – Пойдем, отведу.

– Благодарствую, матушка, – на церковный манер ответил Котов, всучил шустрой проводнице цветок. – Уехали, осрамился я!

Опоздание Григория было запланировано, его интересовали квартира и домочадцы, а никак не кладбище.

– Не бойсь, работы на всех хватит, – бабулька говорила быстро и как-то по-хозяйски. – Я тебя в помощь Ольге определяю. Она хвора, с покойником здесь попрощалась. И кладбище

не храм, главное – верить, а лоб перекрестить и в доме можно. Не по-божески квартирку-то отхватили... Да чего там, теперича поздно слова говорить.

Она вела Котова просторным холлом, говорила без умолку.

– А ты, я вижу, еврей? Со всяким может случиться, не горюй, еврей тоже человек. Хотя хозяин вашего брата не шибко привечал. Ты Николушку-то хорошо знал? – Она быстро перекрестилась. – В больших чинах, а хороший мужик был. А в семье ему доставалось. Где ее, справедливость, найдешь? Только там Николаю за терпение воздастся.

Они поднялись на третий этаж, дверь в квартиру убитого полковника оказалась открытой, женщины переставляли мебель и несли посуду из соседних квартир. Котов тихо поздоровался и включился в процесс переноски различной утвари. Он не знал, кто есть кто из присутствующих, лишь сразу отличил трех мужчин, явно офицеров, одетых в штатские костюмы.

Часа через два столы в центральной зале были сдвинуты, женщины занялись сервировкой, когда один из мужчин подтолкнул Котова к дверям кухни и многозначительно подмигнул. Григорий не курил и практически не пил, но Гуров его предупредил, мол, не выделяйся, держись достойно розыскнику, который, если служба требует, то и скипидар хлебнуть обязан.

На кухне четверо мужчин, примерно однолетки, в темных костюмах и белых рубашках, окружили стол, молча поднимали стаканы. Руководил «мероприятием» седой и кряжистый человек с властным взглядом. Проследив, чтобы у всех было налито и примерно поровну, он поднял свой стакан, сказал:

– Мир праху раба божьего Николая, – выпил одним глотком, сунул в рот щепоть капусты, уперся взглядом в Котова, спросил:

– Откуда будешь?

– Розыск. Главк, – ответил Котов.

– Значит, Гуров, – седой кивнул. – Этот своего не упустит. Сыскарь даже во сне подглядывает. И чего ты здесь хочешь найти?

– Михалыч, оставь мужика, – сказал сосед Котова. – Ему сказали прийти, он пришел. А ты на Леву бочки не кати. Мы выпили и разошлись, а ему пахать и пахать.

Видно, одернувший седого хотя и выглядел моложе, в положении ему не уступал, так как разговор сразу переключился на другое, на Котова внимания больше не обращали, имя Гурова не упоминали. По обрывкам фраз опер понял, что собрались здесь в основном технари. Ничего странного, убитый Сотин работал инженером по электрооборудованию. Однако в большинстве мужчин незримо присутствует сыщик, и вскоре прозвучал вопрос:

– Не пойму, кому Николай дорогу мог перейти?

– Почему Николай, а не Веткин? – спросил кто-то. – Убили-то двоих.

– Яков в милиции неделю, и то на пропаганде. Ясно, убивали одного, а второго порешили за компанию.

– Глухой всяк. И никакой Гуров его не поднимет. – Седой налил по второй. – Я в молодости двадцать лет в сыске отпахал, чую.

Котов чувствовал, на него смотрят и вопросительно, и осуждающе, отставил стакан, когда в кухню вошла крупная женщина с резкими чертами властного лица.

– Ментам дай повод, – красивым низким голосом произнесла она, оглядела присутствующих, кивнула Котову на дверь: – Пройдемте со мной.

Гриша одернул пиджак и последовал за хозяйкой. То, что женщина в доме хозяйка, сомнений не вызывало.

– Вас как зовут? – Она поправила Котову галстук, сыщик увидел в глазах женщины боль и растерянность, быстро ответил:

– Григорий. Гриша.

– Чувствую, вы человек интеллигентный, у меня к вам деликатная просьба. Я Чекина. Анна Павловна. Еще не все с кладбища вернулись, уже половина пьяные. Я мать вдовы... У

нас есть младшая, ее зовут Ольга. Она на кладбище не была, приболела, нервы, понимаете. Вы бы не могли с дочкой посидеть?

– К вашим услугам, Анна Павловна, – Григорий поклонился. – Вам виднее, но, думаю, лучше, если с дочкой побудет женщина.

– Вы даже думаете? – Хозяйка тяжело сглотнула. – Побудьте с Олюшкой, может, она уснет. В комнату никого не пускайте, особенно отца. Он сейчас со всей гурьбой заявится, самый пьяный будет. Справитесь?

– Может, лучше врача пригласить? – спросил Григорий. – Я ведь даже...

– Оля не хочет врача. – Хозяйка подтолкнула Григория, открыла одну из дверей.

Спальня оказалась небольшой, уютной, обставленной без претензий. Блондинистая девушка лежала, укрывшись пледом, спиной к двери, на звук шагов не повернулась.

– Олюшка, смотри, какого интеллигентного мальчика я тебе привела, он с удовольствием посидит с тобой, – сказала женщина и выскользнула из комнаты.

– Здравствуйте, Оля, меня зовут Гриша, – сказал Котов, присаживаясь на стул. – Я тихо посижу, мешать не буду. Если что нужно, скажите. Может быть, чай или горячее молоко?

– Да пошел бы ты! – Голос у Ольги был сухой, с трещинкой, без следа слез.

Не зная почему, Котов рассмеялся, пытаясь объяснить свою бестактность, пояснил:

– Оля, если бы вы знали, сколько раз меня посылали, и не деликатно, как вы, а с указанием конкретного адреса.

Девушка помолчала, затем спросила:

– Вы что, из психушки?

– Из родственной организации, – ответил он.

Оля снова выдержала паузу, повернулась на спину, глянула на Котова сухими блестящими глазами:

– Врач? Санитар?

– И врач, и санитар, и мастер на все руки. Оля, вы меня не стесняйтесь, хочется ругаться – валяйте. Я тоже несколько слов знаю.

– А вы спокойный и не ханжа. – Ольга откинула плед, села и потянулась, обнажив небольшие девичьи груди.

– У вас красивая грудь, – заметил Котов. – Такие груди видишь только в музее, в мраморе...

Ольга слегка покраснела, вновь легла, прикрылась пледом.

– Вы хорошо знали Николая?

– Совсем не знал, – ответил Котов и соврал: – Я его даже ни разу не видел. – Он видел труп.

– А зачем пришли?

– Коллеги, – коротко ответил Григорий, обратив внимание, что пальцы девушки сильно дрожат.

– Коля был человек несчастный, – неожиданно сказала девушка. – Внешность, стать, красивая жена, мощный тесть... Любви не было.

– А вы? – удивляясь себе, спросил Григорий. – Вы ведь любили Николая?

Ольга попыталась взглянуть удивленно, даже возмущенно, сразу отвернулась, в глазах блеснули слезы.

– Я была маленькая, он не на той женился. И мама была против, но она хотела, чтобы Ленка образумилась, не пошла вразнос. И хватит об этом! Он любил Елену! Я люблю Елену! Хватит!

– Понимаю. Извините.

– Понимает! – передразнила девушка. – В чужой жизни мы все понимаем!

За дверью послышались шаги, голоса.

– Прибыли! Не пускайте сюда никого! Я сплю! Слушайте, давайте выпьем, может, я и вправду засну. В тумбочке бутылка и стакан.

– А мне башку не оторвут?

Ольга обожгла его взглядом, вытащила из-под пледа руку, начала открывать стоявшую рядом с кроватью тумбочку.

И опер увидел на тонком локтевом сгибе синее пятно и несколько темных точек от укусов. Он накиннул на Ольгу плед, достал из тумбочки початую бутылку виски, стакан, надкусанное яблоко, налил, губы девушки обметало, сыщик налил больше. Ольга быстро, профессионально выпила, схватила яблоко, юркнула под плед, накрылась с головой.

– Где тут наша голуба? – раздался за дверью громкий мужской голос.

Котов хотел придержать дверь, но ее открыли мощным рывком, в комнату ворвалась волна винного перегара, на пороге появился помощник президента Виктор Львович Чекин. Он хотел отстранить Котова, но тот лишь казался subtilным, на самом деле был жилист и силен, устоял и тихо, уверенно сказал:

– Виктор Львович, ваша дочь только заснула.

– А ты кто будешь? – Чекин схватил опера за плечо.

– Вроде сиделки и охраны. – Котов не сдвинулся с места.

В комнату проскользнула хозяйка, отстранила мужа, властно сказала:

– Витя, иди к гостям, неудобно.

Он опустил широкие плечи, пробормотал: «Все бляди», – и вышел из комнаты.

– Олюшка действительно спит? – шепотом спросила хозяйка, пристально глядя в лицо сыщика. Он привык к разным взглядам, смотрел в лицо матери прямо, несколько удивленно и молча кивнул.

– Гриша, не ври, Ольга просила чего?

– Просила, – он вновь кивнул. – Я налил ей граммов пятьдесят коньяка.

– И больше ничего? – Она смотрела на сыщика, не отрываясь.

– Выпила глоток воды.

Хозяйка тяжело опустилась на стул, заговорила:

– Если этот кретин, – хозяйка кивнула на дверь, – начнет вас на службе преследовать, позвоните мне.

– Спасибо, Анна Павловна, – Котов заставил себя улыбнуться. – У вас очаровательная дочь.

Женщина подняла голову, скривившись, удержала слезы, несколько раз сглотнув, ответила:

– Все, что осталось. А какой дом был!

– Такая дочь – очень много, – опер замялся, понимая, что говорит лишнее, произнес: – Нервы. Стрессы. Было бы неплохо поселить ее за городом, скоро бабье лето.

Лицо хозяйки вновь стало жестким, она усмехнулась:

– Я учту. Вам спасибо, для всех будет лучше, если вы потихонечку исчезнете. Машина нужна?

– Благодарю, – Котов поклонился и вышел.

Глава 2

В микрорайоне, где вчера застрелили двух полковников милиции, с самого утра бесцельно шатался высокий худой опер и розыскник, бывший начальник, Валентин Петрович Нестеренко.

Прибыв поутру, практически в одно время с Котовым и Станиславом, старый мент проехал по всему своему участку, очертив его контуры. Участок был невелик, представлял собой прямоугольник. Если спуститься с Войковского моста в сторону Шереметьева, у светофора свернуть в сторону Головинского шоссе, а через квартал у станции метро «Водный стадион» вновь повернуть направо, то через несколько минут опять окажешься у Войковского моста, только с другой стороны.

Прочертив прямоугольник на своих стареньких «Жигулях», Нестеренко оставил машину на улице Адмирала Макарова у аптеки, рядом с Выборгской, где стоял шикарный, светлого кирпича дом, возле которого и застрелили офицеров.

По валявшимся на тротуаре стреляным гильзам еще вчера определили, где находились киллеры. Проведя невидимую черту от одного киллера к убитым, затем ко второму киллеру и снова к первому, получался правильный треугольник со сторонами девять-десять метров. Спрятаться на улице и не попадаться местным на глаза было негде, и Гуров вчера выразил предположение, что киллеры изображали прохожих, поджидая, когда полковник Сотин придет домой. Ждали у дома Сотина, значит, именно он являлся объектом нападения, а полковник Веткин оказался жертвой случая.

По логике киллеры должны были находиться во дворе, куда выходят подъезды. Никто не предполагал, что машина остановится в переулке, а не свернет сразу во двор. Дом длинный, три подъезда, если машина заезжала во двор, убийцы, находясь в переулке, на линию огня не успевали. Но и дежурить во дворе было плохо, вечер, детей и бабушек уже нет. Машины подъезжают и уезжают, двое мужчин могут привлечь к себе внимание.

Исходив «свой» прямоугольник вдоль и поперек, Нестеренко пришел к выводу, что машины у киллеров скорее всего не было. Вся территория проходная, пешеходные дорожки переплетаются, люди ходят вдоль и поперек, метро рядом, так что машина оказывалась обузой. Кроме того, тридцать метров – и Ленинградка, по которой движется поток различного транспорта, считай, каждый третий готов подвезти. Легче остановить частника и уехать, чем бежать к своей «тачке», которая может случайно засветиться.

Нестеренко вспомнил, как полковник Гуров удивлялся, почему Сотин не подвез друга до метро, а остановился у своего дома. Во двор не заехал, в гости не пригласил. Так почему сто метров не довез?

Между полковниками явно произошел какой-то разговор. Хотели еще немного погулять и договорить? Возможно, и все равно странно. И киллеры необычные. Они либо стреляют из автоматов, что называется от живота, а если используют пистолеты, то стреляют практически в упор. Десять метров – не дистанция для тира, в боевой же обстановке надо очень уверенную руку иметь, тем более, когда стреляешь в голову.

На Нестеренко был обычный, уже поношенный плащ, нечищенные туфли на толстой подошве. Он выпил у киоска банку пива для запаха и начал искать магазин, у которого собираются жаждающие и обсуждаются новости. Подходящего магазина не оказалось, два супермаркета сверкали витринами и иностранными этикетками. Опер заглянул в магазин, увидел охранников в форме, понял: здесь делать нечего. Новые времена, и магазины с охраной, конечно, красивые, но жизнь опера сильно затрудняют. Раньше бы потолкался у винного отдела, сообщил на троих, уселись бы в скверике, поговорили, как люди. И вопросов задавать не надо, все бы изложили в лучшем виде. Скорее всего в том рассказе и слова правды не услышишь, однако

имена какие-то наверняка проскочат. Глядишь, из десяти пустых номеров хоть один, да оказался бы стоящим. А сейчас чистота, порядок и никакого клуба для отдыхающих и жаждущих.

Опер равнодушно прошел мимо автомагазина для миллионеров, набрел на парикмахерскую, заглянул, около мужского зала сидели трое модно одетых парней. Сыщик понимал, люди не те, однако за неимением речки забрасываешь удочку и в собственную ванну. Он подошел, поздоровался, спросил, кто крайний, ответа не получил и робко присел с края.

Два кавказца в кожаных штанах и толстых свитерах на непонятном языке азартно спорили между собой. Опер выступал в роли глухонемого. Один из спорящих закурил дорогую сигарету и раздраженно сказал:

– Вах! Зачем говоришь, когда и выстрела никто не слышал!

– Я слышал, – спокойно сказал Нестеренко, продолжая смотреть прямо перед собой, словно ничего не говорил.

Парни взглянули на Нестеренко удивленно, обменялись несколькими словами между собой, затем враз замолчали.

– Русский? Откуда наш язык знаешь? – спросил один.

– Я и не знаю, – безразлично ответил опер, продолжая смотреть прямо перед собой.

– Не знаешь – не говори! – Парень раздраженно махнул рукой.

– А я и молчу, – Нестеренко сидел с совершенно безразличным лицом, на спорящих не смотрел.

Кавказцы вновь заспорили между собой. Нестеренко ждал, многолетний опыт научил его: если хочешь что-то узнать – не спрашивай, заинтересуй собой человека, сделай вид, что знаешь по данному вопросу больше его, и помалкивай. Тогда он сам тебе расскажет все, что знает, и еще будет просить дополнений и объяснений. Такой способ не всегда срабатывал, но шансы на успех имел.

Парни вновь повернулись к оперу, старший спросил:

– А когда стреляли?

– Стреляли? – удивился Нестеренко.

– Слушай, отец, ты дурака из себя не строй, сам сказал, что слышал! – вспыхнул младший. – Я тут «мазу» держу с приятелем, свидетелем будешь. Долю получишь.

– А ты, сынок, с отцом так же разговариваешь? – поинтересовался опер. – Я на Кавказе не бывал, но слышал, там к старшим уважение имеют.

Из зала выглянула девушка, сказала:

– Ашот, я освободилась.

– Извини, дорогая, у нас мужской разговор. Мы позже зайдем, – старший кивнул Нестеренко на дверь и пошел вперед.

Младший дышал оперу в спину. Нестеренко нехотя поднялся, вышел на улицу.

– Отец, извини, ты сказал, что слышал выстрелы?

– Ну? – Опер утер ладонью лицо.

– Когда слышал?

– И где? – добавил младший.

– А доля? – спросил опер.

– Да, может, совсем не о том разговор. Давай сначала выясним, где и когда, потом к палатке Акопа пойдем, может, и доля будет, – сказал младший. – Вчера вечером неподалеку разборка была, я с земляком поспорил, что он врет и выстрелов не слышал. А я слышал, у нас время не сходится.

– Разборка, может, убили кого, – протянул Нестеренко. – Мне такое надо? Я лучше помолчу.

– Никого не убили, отец, – успокоил старший. – Только Акоп соврать любит, всегда все знает и треплется. – Он подумал, заговорил иначе: – Ну, замочили тут двоих, а чуть что – кавказцы виноваты, мы были недалеко, выстрелов не слышали, нас всю ночь в ментовке держали.

– Пойдем к твоему земляку, я его послушаю, – неохотно согласился Нестеренко.

Они уже дошли до угла Выборгской и Ленинградского, отсюда был хорошо виден дом, у которого застрелили полковников милиции. Оба кавказца взглянули на дом из светлого кирпича и быстро зашагали к расположенной на углу палатке.

– Отец, правду скажешь, я тебе литр «Абсолюта» поставлю.

– Много, захлебнись, – усмехнулся Нестеренко.

Парни заскочили в палатку, младший тут же вышел, встал рядом с Нестеренко, видимо, решил стеречь ценного свидетеля. Пустышку тяну, думал опер. Ребята сами ничего не знают. Киллеры стреляли из пистолетов с глушителями, шоссе шумит, слышимость нулевая. Да и время убийства установлено довольно точно, нужны свидетели, которые могли видеть киллеров. Оба парня, кажется, никого не видели и сами на роль исполнителей никак не подходили: те были профессионалы, а парни – болтуны, обеспокоенные, чтобы их местная милиция не трогала.

Из модной, добротно оборудованной палатки вышли двое, хозяин был в аккуратном халате. Нестеренко решил ломать разговор, протянул руку, торговец несколько растерялся, видно, привык к отношению более уважительному. Нестеренко, высокий, жилистый, очень сильный, положил ладонь на плечо торговца, слегка придавил и милицейским тоном сказал:

– Здравствуй, Акоп, меня зовут Валентин Петрович. – Приведшие его парни подрастерялись. Опер не обращал на них внимания и продолжал: – Ну, расскажи, сынок, в котором часу ты вчера слышал выстрелы и чего интересного не рассказал в отделении милиции.

Акоп заговорил на своем языке, даже замахнулся на одного из парней. Нестеренко жестко перехватил руку торговца, строго сказал:

– Говорить только по-русски, – и продолжал: – Ты где находился, когда услышал хлопки? Ведь выстрелы походили на хлопки, и ты не сразу сообразил, что стреляют? – Руку с плеча торговца опер не убирал.

– Я товар разгружал с машины, здесь и стоял, – Акоп сник, важность с его полного лица исчезла.

– Значит, ты стоял лицом к «Волге», у которой и застрелили офицеров милиции. Следовательно, ты должен был видеть и стрелявших, особенно того, что стоял у мусорного бака.

Конечно, следовало парня задержать, доставить в прокуратуру, передать Гойде, допросить официально. Но случается, что внезапный, пусть и неофициальный опрос дает больше, чем допрос под протокол.

– Как я его видел, гражданин начальник? – попытался возмутиться продавец. – Темнело, он по плечи виден, да и растерялся я!

– Ты, парень, себе срок не мотай. Молодой, в зоне не был, поверь, там медом не намазано! – Нестеренко повернулся к молодому парню, держателю пари. – Стой, где стоишь! Герои живут в соседнем подъезде! Так вот, Акоп, объясняю для дурных. Что палатку у тебя заберут – то семечки. Тебя в отделении следователь допрашивал официально. Ты заявил, мол, ничего не видел, и показания подписал. А дача ложных показаний, да еще по делу об убийстве – статья верная, колом не вышибешь. Ты сейчас в присутствии друзей мне правду расскажешь, а с отделением я дело улажу. Я подполковник из Главка уголовного розыска. – Он достал свое удостоверение, разворачивать не стал, а пистолет переложил в другой карман, словно ненароком.

– Вы правы, господин подполковник, хлопнуло несколько раз, – признался Акоп, – я и не понял, что стреляют. Когда увидел, что менты... – он смешался.

– Нормально. Менты так менты, мы сами себя порой так зовем, – подбодрил парня Нестеренко. – Они упали?

– Ну да. Тут я трехнулся. Одного, хозяина «Волги», я знал, он пиво любил, заходил.

– А стрелявшие? – спросил Нестеренко.

– Я только одного видел. Вы верно определили, он у мусорки стоял. Второго не видел, но шаги его слышал. Он за углом, на Макарова, прятался, когда побежал, на консервную банку наступил. А ближний – в сторону «Магистральной».

– Так магазин называется, – пояснил молчавший до этого парень, старший из всех.

– В «Магистраль». Да, – продолжал Акоп. – Но, думаю, не в магазин, а двором двинулся. И все шел, не бежал. Только когда за угол дома свернул, так побежал.

– Значит, они в разные стороны подались? – не столько спросил, сколько утверждающе произнес Нестеренко.

– Точно, в разные, – подтвердил Акоп.

– Ну лады. Теперь самое неприятное, пойдем в отделение бумаги писать. Извини, сам не люблю, но порядок. Вы мне покажете, как тем двором на Ленинградку выйти, зайдем в опорный пункт, все запишем. Ашот! – Опер взял самого молодого за плечо. – Ты горячий, не шали! Я тебя и в бегу достану и ноги без всякого оружия бантиком завяжу. Договорились?

Около девятнадцати опергруппа собралась в кабинете, настроение было не из лучших. В принципе никто и не ждал, что за день удастся выйти на что-нибудь существенное. Надо отдать должное сотрудникам отделения и райуправления, люди работали сутки, работали серьезно, а не отбывали номер.

Гуров внимательно изучил все рапорта, закрыл уже пухлую папку, сказал:

– Мы обязаны были такую работу проделать. Рассчитывать на успех наивно. Отбросив шелуху, можно предположить, что один из киллеров чуть выше среднего роста, худощавый, темно-русый, лет тридцати пяти. Он ушел дворами в сторону Ленинградского шоссе. Приметы второго неизвестны, судя по размеру обуви и ширине шага, преступник имеет рост около ста восьмидесяти сантиметров, вес семьдесят пять или около того.

– С такими приметами мы далеко уедем, – заметил Станислав и, упреждая замечание Гурова, поднял руку. – Я не критиканствую, Лев Иванович, констатирую, что эта печка не годится, требуется другая. Самое лучшее – выявить мотив. Здесь мы мало, но имеем. Остаточные следы героина на ладони покойного Веткина и следы уколов на руке девочки. Я в наркоте не дока, но знаю, героин – штука серьезная. И если в семье употребляли, то героин вполне может оказаться мотивом.

Гуров согласно кивнул, после некоторой паузы сказал:

– Подсчитаем, что имеем. Два киллера, приметы – одни слезы. Два мертвых полковника, причина убийства не установлена. Она обязательно имеется и очень весомая. Из-за пустяков профессионалов не нанимают.

Гуров помолчал, закурил, долго смотрел в окно. Оперативники терпеливо ждали, паузы в речи шефа были делом привычным.

– Героин, – задумчиво произнес сыщик. – Героин у нас имеется, но в историю не вписывается. Вскрытия показали, что ни Сотин, ни Веткин никакой наркотик не употребляли.

Ольга Чекина. Гриша видел на ее руке следы уколов. Я консультировался с серьезным специалистом. Он убежден, что, возможно, девушка какой-нибудь наркотик себе и колола, только не героин. Если бы она колола героин, то была бы в настоящее время прочно «на игле». Котов описал ее поведение, профессор героин исключает на сто процентов. Однако на ладони убитого Веткина обнаружен именно героин. Факты не вяжутся, рассыпаются, – Гуров взглянул на Станислава, усмехнулся. – Ну, говори, Станислав, не терпи через силу, взорвешься.

– Можно нарисовать такую картину, – начал было Станислав.

Гуров перебил:

– Извини. Рисуи, не стесняйся. Только не подделывайся под Пикассо, изображай в стиле Шишкина. Медведь так медведь, будь реалистом.

– Постараюсь, – Станислав вздохнул. – Не установлено, но есть основания предполагать, что Ольга была влюблена в мужа старшей сестры полковника Николая Сотина. Ситуация в жизни очень распространенная. Сотин взаимностью не отвечал, девушка травмирована, появляется наркотик. Не героин, дрянь менее опасная. Ольга одинока, хороша собой, чтобы отвлечься, она крутит роман с полковником Веткиным. Он замечает пагубное увлечение девушки, пытается на нее повлиять. На последнем свидании Веткин отбирает у девушки порошок, выбрасывает в туалет. Стремясь узнать, чем себя травит девчонка, полковник стряхивает часть порошка на левую ладонь. Вечером Веткин рассказывает о случившемся Сотину...

– Медведь как медведь, очень похоже, – соглашается с другом Гуров. – Все реалистично, правдоподобно. Остается понять: кто и почему нанимает профессиональных киллеров?

– Я поднял столько, сколько смог, – без обиды ответил Станислав. – Пусть другой поднимет больше.

– Верно. Давайте копать вместе. – Гуров повернулся к Котову. – Григорий, ты молодец, сегодня работал хорошо.

– Мне лишь повезло, – ответил Котов, подмигнув Нестеренко. – Еврейское счастье. Если бы меня хозяйка не определила в сиделки, мыл бы посуду.

– Скромность – хорошо, но удача лучше, – скорее себе, чем коллегам, сказал Гуров. – Ты считаешь реальным встретиться с девушкой?

– Полагаю, что мать догадывается или даже знает о пристрастии младшей дочери и на время ее изолирует, – Котов развел руками. – Будь я помоложе, покрасивше, не родись иудеем, можно было бы попытаться установить личный контакт, прикинуться влюбленным.

– Дохлое дело, – констатировал Нестеренко. – Девчонку требуется уложить в больничную койку, провести анализы.

– Дочь Чекина? – Станислав скорчил гримасу. – Идея интересная, но смешная. Даже если и удастся, мы к девчонке не подойдем и врача своего не подведем.

– Закроем тему, – сказал Гуров. – Зайдем с другой стороны. Мог Николай Сотин запутаться в финансовом бизнесе?

– Удалось сделать на него поверхностную установку, – ответил Станислав. – Умен, пишет докторскую, ведет замкнутый образ жизни. Ученый-теоретик, круг знакомых крайне ограничен, женщин не наблюдалось. В милицию служить мужика засунул тесть, пользуясь своей дружбой с министром. Сослуживцы относились к покойному неплохо, даже хорошо, карьеру он не делал, сидел целыми днями в лаборатории, вечерами работал дома. Выпивал лишь по принуждению, разговоры о девочках не поддерживал. Как выразился его руководитель, сосредоточенный, упертый человек. Есть основания предполагать, в семейной жизни Сотин был несчастлив. Он любил жену, с тестем и тещей почти не разговаривал. Последние годы молодые супруги вместе бывали лишь на семейных праздниках. Елена предпочитала шумные компании, фуршеты, приемы, где пользовалась успехом у мужчин. Но о какой-нибудь конкретной связи я ничего не слышал. Все.

– Как тебе удалось за неполный день столько накопать? – удивился Гуров.

– Надо влюбиться в подругу объекта, которую не позвали на похороны и поминки, и пригласить даму на обед. Смотреть влюбленно, вставлять комплименты и не перебивать, – ответил Станислав.

– Талантливый ты мужик, – пробормотал Гуров. – Какое блюдо из твоей добычи приготовить прикажешь?

– Обидеть младшего каждый может, – Станислав демонстративно отвернулся.

– Может... Может. – Гуров сильно потер лицо ладонями, жест сыщик заимствовал у генерала Орлова. – Хреново. Мотив не проглядывается. А он должен быть крайне серьезным.

Киллеров пригласили, чую, они не москвичи. Прибыли, убыли, и с концами. Сотин, именно он, а не Веткин, располагал информацией. Он не мог ее получить в лаборатории, ухватить дома. Скверно работать по одной версии, но иной у нас нет. Героин, девочка Оля.

– Слабо, Лев Иванович, – сказал Станислав. – Но я тебя понимаю и поддерживаю. Ты гений, ты и думай, как нам к девчонке подобраться.

Действовать решили по старинке. Когда через два дня Ольга вышла из дома, за ней увязался Станислав, сменив свой броский «Мерседес» на замызганные «Жигули» Нестеренко. Как и ожидалось, когда девушка отъехала от дома, за ней последовал неприметный «Москвич», в котором находились двое мужчин и женщина. Присутствие женщины нарушало планы Станислава, но он решил работу продолжить. В конце концов, мы разыскиваем убийц, и «наружка» за сестрой вдовы вполне объяснима, даже естественна.

Машины развернулись на Ленинградку в сторону центра. Шел одиннадцатый час дня, Тверская была забита. Ольга вела машину неуверенно, вести наблюдение не составляло труда. Когда Чекина свернула на Беговую, стало очевидно: она едет в университет. Станислав пропустил машину охраны вперед, занял третью позицию и начал рассуждать. С одной стороны, университет – дело естественное, девочка там учится, с другой – сейчас лишь начало августа и занятия не начались. Возможно, у нее встреча. Можно допустить, что она едет за героином. Все это в области догадок и допустимых вариантов. В любом случае в университете сейчас гулко и пусто, подумал Станислав и тут же обругал себя неоригинальными словами. Вступительные экзамены! Сейчас там может твориться черт знает что! Ну я, старый пень, задним умом крепок. О чем думал «гений»? Там одному и делать нечего, тем более что за Ольгой дамочка следует!

На Мосфильмовской свернули налево, покатали к университету. Станислав позвонил Гурову и ласковым голосом спросил:

– Скажи, великий, тебе приходила мысль, что сейчас идут приемные экзамены?

– Кажется, а тебе? – ответил Гуров.

– Я лишь выполняю задание, мне иметь собственные мысли необязательно.

– Значит, ты ошибся с местом службы, – сухо произнес Гуров.

– Случается. Объект сопровождают, плохо, что в машине женщина.

– Упрости задачу. Уточнять возможную встречу необязательно. Получится – хорошо, а нет – так и черт с ней. Выясни, девушка приехала в университет по конкретному делу или разыскивает кого-то? – Гуров говорил привычно спокойно, но Станислав почувствовал, что друг и начальник нервничает.

– Извини, расстраюсь, – Станислав хотел пошутить, но Гуров положил трубку.

Как выяснилось, приемные экзамены имеют для розыска и существенные преимущества. Большое количество беспорядочно толкущихся людей, и не только девочек и мальчиков, но и ошалевших родителей. На Станиславе были модные черные брюки, кроссовки и серый в мелкую клеточку пиджак. Одет он оказался вполне подходяще, но сорок лет – не восемнадцать, и не будь здесь родителей, опер светился бы, словно костер на ветру. А сейчас он смотрелся обыкновенным «болельщиком», толкался среди себе подобных, наблюдал Ольгу, которая, стоя у окна, обсуждала прошедшее лето с подругой, и не выпускал из поля зрения сотрудницу «наружки», которая, открыв сумочку, пристраивала направленный микрофон, пытаясь подслушать и записать заведомо пустой разговор.

Мужчины-оперативники в здание не вошли, остались у машины. Станислава подобное положение вполне устраивало, но он злился. Некачественно работают смежники. Наверняка им поручена охрана, и не более, а они на основное задание плевали, видимо, о наркотике знают и ловят момент передачи. Он, опер-важняк, занимается тем же самым, однако существуют в их работе различия. Станислав ищет связь и передачу наркотика как возможную ниточку к убийце, а конкуренты явно озабочены героином как таковым. Удачная фотография и запись

нужного разговора – это петля на отца, советника президента Виктора Львовича Чекина. Какой бы он ни был человек, в данном случае он – отец, и ловить его через больную дочь – сплошное паскудство. Как работало КГБ, так и работает, называй их, как хочешь, хоть ангелами – хранителями, а души у них гнилые, смердят. Пусть девчонка десять раз в мучениях помрет, им главное – советника президента завербовать, иметь на него компромат.

– Паскуды! – повторил Станислав, взглянул на Ольгу и ее подругу, снова подумал, что оперативница подслушивает пустой разговор, и боковым зрением увидел парня.

Он был одет, как и большинство, ничем вроде бы не отличался от окружающих, разве что чуть постарше, лет двадцать с небольшим. Шел он по коридору не торопясь, улыбался дружелюбно, слегка покровительственно. Известно, короля играет свита. Абитуриенты на парня внимания не обращали, но присутствующие здесь студенты, особенно девушки, не сводили с пацана глаз. Причем одни, заметив незнакомца, прятались, загоразивались друзьями, другие, наоборот, выступали слегка вперед, старались попасться на глаза.

«С такой популярностью – и до сего дня на свободе», – подумал Станислав, увидел, как Ольга прервала разговор с подружкой, нервно расстегнула, вновь закрыла сумочку, хотела шагнуть навстречу, но опер, отлично понимая, что ведет себя непрофессионально, преградил девушке дорогу, широко улыбнулся, громко сказал:

– Оленька! Все глаза проглядел! Здравствуйте, милая! Вам огромный привет. – Он взял девушку под руку, силой отвел в сторону и зашептал: – Мой друг без ума от вас! Я, собственно, и явился по его поручению...

Торговец наркотой прошел мимо, Ольга безуспешно попыталась освободиться, глаза у нее потухли, словно отсоединили батарейки.

– Кто вы такой? – Глаза у девушки вновь засверкали, но уже зло, ненавидяще. – Я вас впервые вижу!

– Так я и говорю, – шептал Станислав. – От влюбленного друга привет принес! Теперь я его понимаю! Вы, Оленька, дивчина высший класс!

К ним подобралась дамочка с ридикюлем, микрофоном и прочими шпионскими принадлежностями. Тут Станислав выкинул номер, который изобрели до нашей эры: опер якобы поскользнулся, неловко взмахнул руками и ударил по шпионскому ридикюлю с такой силой, что он вылетел у дамочки из рук, врезался в чугунную батарею, содержимое рассыпалось по полу.

– Ольга, бежим! Иначе нам попадет со страшной силой! – Станислав подхватил девушку чуть ли не на руки и бросился по коридору. Они вскочили в пустую аудиторию.

– Гриша, очаровательный брюнет, который у вашего ложа третьего дня сидел, затем виски потчевал, мой лучший кореш, верный друбан, – Станислав говорил быстро, не давая Ольге возможности вставить слово. – Гриша голову потерял, сегодня начальство его за можай загнало, он мне на прощание и шепнул слова заветные. Отыщи в университете самую красивую девчонку, ее Ольга Чекина зовут, поклонись низко и попроси ее с этим типом не встречаться и беречь себя пуще дитяти единственного.

В конце речи юмор из голоса Станислава исчез, глаза искриться перестали, словно ледком подернулись. Этому номеру опер у своего друга и начальника научился, долго тренировался перед зеркалом. Получалось у Станислава не так уж и здорово, но на новенького действовало безотказно.

– Так вы все знаете, – прошептала Ольга.

– Значительно больше. Знаю еще и то, о чем вы, красавица, даже не догадываетесь.

– Но мне уже не выбраться.

– Запросто. Мама вам поможет, – заверил Станислав.

– Вы, главное, отцу не говорите.

– Маленькая вы, Оленька. Совсем маленькая. Мудрецы говорят, ваш недостаток со временем проходит.

– А вы добрый или злой?

– Уж точно не добрый, – Станислав взглянул на свое отражение в оконном стекле и добавил: – Наверняка не злой.

...Машины Ольги Чекиной, Станислава и ФСБ стояли почти что рядом. Когда Ольга открыла свой «Форд», Станислав захлопнул дверцу, махнул рукой, сделал быстрый шаг в сторону, сказал подошедшим оперативникам:

– Никогда не подходите к мужчине сзади. Опасно.

– Документы! – рявкнул один, судя по всему, старший.

– С удовольствием, господин офицер! – Станислав продолжал отходить. – Только вы приближаетесь по одному, я предъявляю документы в обмен на ваши. Иначе считаю вас бандитами со всеми вытекающими последствиями.

– Мент? – то ли утвердительно, то ли вопросительно произнес старший.

– Авторитет? – усмехнулся Станислав и посуровел: – Слушай, лейтенант, или как тебя там. Проваливай отсель, иначе я позвоню генералу Кулагину и расскажу, как вы работаете, тебе мало не покажется.

– Не знаю такого, – неуверенно произнес фээсбэшник.

– Вот, заодно скажу Павлу, что ты его не знаешь, – уже откровенно рассмеялся Станислав.

– А пошел бы ты... – Парень кивнул напарнику, они сели в машину и укатили.

Вечером того же дня полковник Гуров позвонил в двери квартиры Чекиных и Сотиных. Горничная, предупрежденная о визите вахтером, открыла дверь на длину цепочки, спросила:

– Вам кого? Виктор Львович еще на работе, а Анна Павловна плохо себя чувствует.

Гуров протянул девушке свою визитную карточку, сказал:

– Передайте Анне Павловне, что мне необходимо ее видеть. В случае отказа я приду с участковым и понятыми. Поверьте, милая, скандал не улучшит самочувствия вашей хозяйки.

Визитку забрали, дверь захлопнули, стало тихо.

С юридической точки зрения мое положение безукоризненно, рассуждал сыщик. Я расследую убийство, мне необходимо переговорить с членами семьи. Конечно, их можно пригласить в прокуратуру, но это вряд ли им понравится, а хозяин так просто не придет. Его положение не из лучших, самый гонористый чиновник понимает: убили человека, милиция должна работать, и никто не может сказать, мол, не беспокойте родственников в такие тяжелые дни. Следует переговорить с Пашей Кулагиным, розыск убийц поручен мне, и контрразведчик это прекрасно знает. Хочет заниматься делом сам – флаг ему в руки, пусть начальники договариваются, я с удовольствием отойду в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.